

Маковский Владимир Егорович

Источник: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. "Художник РСФСР". Ленинград. 1965. Издание пятое
OCR Ловецкая Т.Ю.

Маковских было три брата: Николай, Константин и Владимир. Николай рано умер, оставив очень мало работ; Константин, один из учредителей Товарищества передвижников, вскоре вышел из Товарищества и выставял свои картины сперва отдельно, а в конце своей деятельности в Обществе петербургских художников. В истории передвижников Константин не играл почти никакой роли. Владимир же был ярким представителем передвижничества, одним из столпов его; он оставался в Товариществе до самой своей смерти, совпавшей с концом передвижничества.

С ним у меня были частые встречи, и первые впечатления от него остались для меня верными на всю жизнь.

В дни моей юности, при страшном желании учиться живописи, мне долго не удавалось поступить в Московское училище живописи. Знакомые художники говорили, что я хорошо подготовлен, а пойду на экзамен -- и проваливаюсь.

Посоветовали обратиться к Маковскому, бывшему тогда старшим преподавателем в Училище, и показать свои работы. Говорили, что если он одобрит их, то меня могут принять и без экзамена, -- такие случаи бывали раньше. В указанные мне часы я поджидал Маковского на лестнице, ведущей в его мастерскую. Очень волновался. Вижу -- идет он сам с ящиком с красками. Поздоровавшись, я робко, изложил свою просьбу и просил посмотреть мои работы.

Маковский взглянул мне в лицо. Мне запечатлелся навсегда быстрый, пронизывающий блеск глаз, и притом какой-то холодный, стеклянный. Он отвечал любезно, но и в любезных словах был холод, были одни общие слова.

-- Не приняли вас? Ничего, батенька, вы еще молоды, еще поработаете -- и примут. Рисунков не показывайте, раз художники одобряли, значит -- хорошо, я верю, вы, очевидно, талантливый человек, и не беспокойтесь -- в следующий раз, вероятно, примем и вас. До свидания, молодой человек, желаю вам успеха, всего доброго!

-- Ну что? -- спрашивали знакомые ученики. А мне нечего было отвечать. От разговора с Маковским я почувствовал один лишь холод.

Следующая встреча была по окончании мною Училища, когда я был уже уполномоченным Товарищества и заведующим передвижной выставкой.

В это время Владимир Егорович состоял профессором Академии художеств и жил в Петербурге. И снова я встретил тот же сверлящий и холодный блеск глаз и ту же ни к чему не обязывающую любезность.

-- Так вы, значит, наш уполномоченный, прекрасно, очень рад! Что же, вы как гувернантка наших деток -- картин, будете о них заботиться, покажете людям, и мы будем вам благодарны. Так, батенька мой, прекрасно, прекрасно, очень рад!

Пригласил в столовую. Солидная сервировка, хороший завтрак. Кругом картины в золоченых рамах. Он тогда был вдовцом, жил с сестрой-старушкой и семьей.

-- Вы, говорят, и музыкант? -- продолжал Маковский. -- Учитесь? Это еще лучше. Я вот, батенька мой, тоже маленький музыкант, по-стариковски, знаете ли, понемногу поигрываю! Хотите посмотреть мой инструмент? -- и повел меня в гостиную, где стоял рояль и лежала скрипка. Я прежде всего понял, что засиживаться здесь нельзя, что у художника все минуты сочтены. В гостиной золоченые кресла и диваны людовиковские, обитые малиновой материей, точно из дворца. И всюду картины с коричневыми фонами. Из широкой золотой рамы смотрел портрет отца; Владимира Егоровича, человека сановного вида. Обстановка в общем была петербургского барского, чиновничьего тона.

Показал скрипку, хвалил:

-- Она, знаете ли, хотя и не итальянская, французская, но большого мастера: жаль, не видно подписи внутри, но инструмент, батенька мой, очень хороший, не уступит Гварнери.

Посмотрел я скрипку, внутри подписи совсем не было, инструмент был самый заурядный.

Маковский проводил меня в переднюю со словами:

-- Так вот, прекрасно! Вы, батенька, как только приедете в Питер, покажитесь к нам, мы здесь музицируем и вас втянем в свой кружок. Прекрасно, прекрасно!

Повернулся и ушел, не дождавшись, когда я надену шубу, поданную горничной.